

D 247

17 мая 1937 г.

МОССХ

**ИЗ СТЕНОГРАММЫ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ЧЛЕНОВ МОССХ
ОТ 17 МАЯ 1937 г.⁹⁰³**

<...>

Тов. Иоффе: Товарищи, последние годы мне пришлось работать практически больше не как художнику, а как редактору на одном из ответственных участков нашей художественной политики и нашего политическое искусство. Я работал в "ИЗОГИЗе" как директор политического плаката, и я считаю, что было бы ошибкой с моей стороны, если бы несколько слов, как член МОССХ, чувствующий ответственность за его дела, не сказал бы о своей работе. Этот ответственный участок нашей политической работы сейчас не на высоте. Значение плаката, который издается сотнями тысяч экземпляров, огромно, и как оружие политической агитации и пропаганды, и как орудие художественного воспитания масс, потому что при отсутствии художественной репродукции картин плакат вешают в избе и в жилище рабочего, и он воспитывает массовый вкус.

Недостатки нашей работы заключались, прежде всего, в том, что мы не смогли достаточно противодействовать той вредительской политике врага народа Томского, который руководил ОГИЗом в течение ряда лет⁹⁰⁴ и систематически зажимал всякую политическую работу в издательстве. Я приведу вам только две цифры, как "ИЗОГИЗу" отпускалась Томским бумага, и как планировалось издание плакатов. В 1934 году мы выпустили 269 названий плакатов в количестве 11 тыс. экз. На 1937 г. запланирован 71 плакат в количестве 5,5 млн. экз. Снижено в несколько раз количество названий и тиражи. Наряду с этим проводилось систематическое вредительство в области красочной полиграфии, в которой заинтересованы не только полиграфисты, но и все художники. Это привело к тому, что красочная полиграфия находится на том уровне, на котором мы были 50 лет тому назад, и мы не можем удовлетворить всей потребности страны в репродукции и в плакатах, а также в картинах и в массовых пособиях.

⁹⁰³ Упомянутое выше отчетно-выборное собрание членов МОССХ 8 – 17 мая 1937 г.

⁹⁰⁴ М.П. Томский был заведующим ОГИЗом с мая 1932 г. до момента своего самоубийства в 1936 г.

Мы недостаточно боролись за общественную трибуну. Мы оторвались от массы художников благодаря нашей замкнутости, самоуспокоенности и оторванности от настоящей критики, мы не сумели преодолеть те вредные настроения, которые развились у ряда художников, которые, испугавшись трудностей, попросту отказались от работы над плакатом. Всё это привело к тому, что наш плакат находится не на той высоте, на которой он должен находиться как оружие большевистской агитации.

Целиком ли падает вина на нас? Мы работники редакционного аппарата, очень сильно виноваты в этом деле. Но назовите мне хотя бы один хороший плакат, созданный художником, который не был бы издан? Наша вина в том, что мы не создали достаточных условий для роста художников. Но ведь художники отвечают за свою продукцию, и эту ответственность нельзя с них снять; а как руководил МОССХ этой работой? Какая атмосфера создавалась вокруг плаката?

Надо сказать, что не только в отношении плаката, но в отношении любого искусства, которое вело боевую, активную политику, – этот раздел искусства был у МОССХ на задворках. Например, оформление политических кампаний, политическая карикатура, политический плакат – что в этой области делалась политика МОССХ сделала? Ничего. Политическим воспитанием художников, организацией творческой самокритики – МОССХ не занимался. Не было обсуждения плакатов, не было выставок плакатов, не было организовано прямой связи с "ИЗОГИЗом". МОССХ не обеспечил заказов ведущим плакатистам на выставках "Индустрия социализма" и "20 лет Красной армии". МОССХ не проявил заботы об условиях работы плакатистов. МОССХ никакого внимания этому участку не уделял. <...>

РГАЛИ. Ф. 2943, Оп. 1. Д. 104. Л. 31, 32.